

Рокотов Суд
1985

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА 9 АВГ 1985

г. Москва

Восемь суток Рокотов путешествовал из Петербурга в Москву — навсегда возвратился на родину, родом был из подмосковного села. И вовсе не исключено, перед тем как в Москве устроиться, заезжает он в село Воронцово, где родился в семье крепостного. Спешит выкупить из неволи детей своего покойного брата, двух Иванов. С тех пор они живут с ним.

На Старой Басманной строит художник себе дом, в котором есть и «зала в два света» — мастерская.

Любопытно, что он не просто меняет место жительства, но и сам образ жизни, желая оставаться самим собой.

Гениальный русский живописец Александр Иванов считал, что «... в шитом высоко стоящем воротнике... нельзя ничего сделать, кроме стоять вытянувшись». Рокотов, очевидно, так же относился к мундиру. От чиновничьего образа жизни он и бежал.

Успех, по тем временам, у Рокотова огромен. Он завален заказами. Недоброхоты писали, что художник «за славою стал спесив и важен». Рокотов, надо полагать, всегда помнил: он из крепостных, — еще и это определяло его подчас подчеркнуто-заношчивое поведение, направленное на тех, кто хотел унижить его. В «Портрете неизвестного молодого человека» предполагают автопортрет художника: он слегка улыбается миру, но зорки и оценивающие внимательные глаза.

Знакомство водит с людьми просвещенными, неординарными. Среди них поэты Сумароков и Майков. Рокотов написал их портреты.

Вот один из них. Улыбка, выражающая жизнерадостность и превосходство, не гасит, а еще и освещает грусть в глазах. Перед нами крупнейший поэтический авторитет XVIII века. С каким почтением и удовольствием вспоминает о нем Гринев из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина: «Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков... очень их похвалял... Рокотов, несомненно, трагедии его видел, басни читал, был свидетелем того, как везде заучивали и повторяли его любовные стихи и куплеты. А лубочные картинки с текстами басен продавались во всех кланых лавках. Художник не мог не относиться к поэту приятно. Но портрет создает, не приукрашивая: личность незаурядная и противоречивая. Как гордо повернулся к нам Сумароков, сановно демонстрируя и звезду и алую анненскую ленту, но художник все это оставляет без внимания — лицо, прежде всего лицо, привлекает его. И кажется, все жанры, которыми владел поэт: трагедия, комедия, басня, ода, любовный стих, совместились в этом зеркале души. Лицо поэта, проповедника, страстно хотевшего наставлять царей истине, поучать бестолковое стадо правящего дворянства. Разве не близки были Рокотову проповедь разумного начала в человеке, призыв к нравственному самосовершенству: «не люби злодейства, лести, сребролюбие гони»... Разве не разделял он выпадов против глупости и невежества: «А ты, в ком нет ума, безмозглый дворянин»...

И потому прежде всего подчеркивает художник в порт-

рете гордое достоинство таланта, веру поэта в свое назначение.

«Почти играя, — рассказывает современник о работе художника, — ознаменовал только вид лица... и пламенная душа его (Сумарокова, — В. Л.) при всей его нежности сердца на оживляемом тобою полотне не утайлась».

А пламенная душа поэта уже была посыпана пеплом лег и разочарований.

Наставления его и поучения раздражали. Что сказывалось на личной судьбе. Портрет красноречив: на красноватом лице безразличное опасение соседствует с уязвленностью и презрением к тем,

не обывательское понятие о радостях бытия. Майков пытался жить «как долг и честь велит» и призывал к нравственному самоочищению: «противу злобы ополчайтесь», «качество души телесных сил дороже»... Творчеством поэта интересовался Дидро, его поэму «Елисей» одобрял Пушкин.

Рокотов показывает внимательную зоркость поэта, его способность к насмешке, не знающей пощады. Правдивые и обличающие картины тогдашней жизни находим мы в поэмах и одах Майкова. Восторгаясь мужеством русских воинов, поэт жестко говорит о войне: «Ты яд на

ЭТЮДЫ О ШЕДЕВРАХ

НЕ МЕРКНЕТ ВРЕМЕНИ ЛИК

«Портрет неизвестного молодого человека».

кто недооценил его дарования на разных поприщах — а был он и первым директором русского театра, и издавал журнал «Трудолюбивая пчела».

Человек, неоднозначный, заносчивый, обидчивый, познавший и сладость, и яд быстрой славы, он понял, наконец: «все на свете коловратно».

Портрет человека, уходящего навсегда, — в том же году Сумарокова не станет. Лишь актеры проводят в последний путь своего директора и драматурга. А ученик и друг Василий Иванович Майков сочинит эпитафию:

«Он был Вольтеру друг, честь россия страны,

Поборник истины, гонитель злых пороков»...

Сам Майков, автор «иронических поэм» и баснописец, на портрете великолепен. Знает себе цену, ведает цену жизни. Полное лицо лучится довольством от прожитого дня и удовольствием, предвкушаемым от дня будущего. Лицо кривит улыбка всезнания. Майков, вопрошавший: «Возможно ли тихую жизнь равнять с блестящей славой, в которой никогда нельзя иметь друзей?» — неуменно и жадно, пусть и не всегда удачно, рвался из тихой жизни к славе. Рокотов запечатлел победоносно-чувственное самодовольство человека, словно бы снисходительно вещающего: «Живите властью, вкушайте жизнь»... Но видимая плотоядность —

землю изливаешь... Ты гонишь ратаев прилежных к оружию с обильных нив...»

Самым «земным» в творчестве художника называли этот портрет. Фон его — светлый, теряющий обычную для Рокотова таинственность, — будто пробегает многоцветная жизнь, столь любопытная поэту.

Люди, возглашавшие: «Счастье наших цель сердец!» — на портретах Рокотова. Иное дело, что счастье понималось с учетом сословных и прочих ограничений. И были дидактично-нравоучительны призывы: «Собою украшай свой чин». Рокотов сумел сделать шаг далее — поэтично показал чувствующего человека, непросто живущего в сложном мире и тщетно пытающегося его улучшить.

Конечно, Рокотов относился к своим героям по-разному, но никогда — равнодушно. Портреты не безмолвствуют, говорят о доверии, об отношении равных: художника и модели. Порой достоинство мастера производилось из сословной принадлежности — «дворянчи по происхождению... — сы писал своих заказчиков, как равный равных»... Но мы знаем: Рокотов — не дворянин.

Человек громадного обаяния, человек-поэт, он создавал вокруг себя атмосферу лиричности, музыкальной сосредоточенности, на которую не откликался лишь совершенно душевно тупой человек. Не исключено: в общении с художником его модели становились такими, какими мы видим их на портретах. Мгновения их жизни, когда они говорили языком правды и чувства, чтобы затем вновь вернуться к языку лжи? Придавал ли им Рокотов черты своей мечты о человеке современном?

Глядя на портреты работы Рокотова, чье 250-летие со дня рождения мы отмечаем, думаешь о том, что каждый человек казался художнику явлением неповторимым, необычным, частичей необходимой — свертнет, пропадет она — боль невозполнимой потери пронизет все человеческое.

В. ЛИПАТОВ.